

Теоретическое занятие по дисциплине «Литература».

Тема занятия № 3: «Индивидуальное и типичное в характере Евгения Онегина. Татьяна – любимая героиня Пушкина».

1. Запишите в тетради дату и тему занятия.
2. Изучите материал занятия (пройдите по ссылке)
<https://ok.ru/video/666148603309>
<https://www.youtube.com/watch?v=1uM7HsQNZXk>
3. Составьте конспект лекции.

Сюжет романа построен так, что герои словно выходят за его рамки. Они явно живут в двух сферах — авторском воображении и в реальной среде, где становятся знакомыми автора. Рядом с «романом героев» есть и «роман жизни», в котором действующие лица встречаются с автором, Пушкиным. И если «роман героев» кончается трагически, то «роман жизни» еще не завершен. Возникает художественная иллюзия, будто события в романе не вымышлены Пушкиным, а только подсмотрены в самой действительности. И это доказывает глубокую жизненность сюжета «Евгения Онегина».

Характер Онегина в первой части романа раскрывается в сложном диалогическом отношении между героем и автором. Пушкин и входит в образ жизни Онегина, и поднимается над ним в другое, более широкое измерение бытия. Диалог этот обусловлен не только различиями в характерах Онегина и автора, но и временной дистанцией между ними. Время героя и время автора не совпадают. Образ жизни, который ведет Онегин, хорошо знаком автору, но остался для него далеко позади, в прошлом. В настоящее время автор уже переболел многими «онегинскими» недугами и успел исцелиться от них, подняться к новому пониманию смысла жизни.

Вся первая глава в ее повествовательной части, касающейся Евгения Онегина, посвящена не характеристике внутреннего мира героя, а детальному описанию образа жизни, типичного для всей светской молодежи 1810-х годов. Пушкин, лишая Онегина голоса, начинает рассказ о нем с истории воспитания героя. Оказывается, что с детских лет его окружали нерусские люди. Вместо няни за ним ходила француженка Madame, потом ее сменил Monsieur, который «учил его всему шутя». Пушкин знал существование этих «шутков» и понимал, что скрывалось за формулой «не докучал моралью строгой». Вспомним пушкинскую характеристику французского XVIII века, гордого века европейского Просвещения, «разрушительным гением» которого был Вольтер. И хотя русские мальчики «учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь», основы просветительской философии на бытовом уровне усваивались ими легко.

В центре этой философии, сокрушившей «господствующую религию — вечный источник поэзии всех народов», оказался предоставленный самому себе «естественный человек». Целью его существования была свобода, заключающаяся в удовлетворении «естественных потребностей». Провозглашалось полное и «святое» право каждого наслаждаться этим удовлетворением. А для смягчения «войны всех против всех» заключался

«общественный договор» – узаконенная сделка между «самоценными» индивидами. На уровне национальном – это добровольно принятое бремя государственных «повинностей». На уровне социальном – мораль, кодекс правил человеческого общежития. В сравнении с совестью, идущей из глубины верующего сердца, мораль напоминала взаимную сделку – договор. В отличие от совести она не одухотворяла человека, но требовала от него механического исполнения внешних правил поведения, окружала его «естественные потребности» сетью «разумных» ограничений.

Возник неведомый «патриархальному» человеку конфликт между «чувством» и «долгом», в котором мораль оказалась враждебной чувству силой. Общение между людьми, не согретое теплом сердечности и совестливости, стало формальным и подчинялось только правилам внешнего этикета. Именно так, бездушно и небескорыстно, «ухаживает» Онегин за умирающим дядюшкой, не докучая себе «моралью строгой»: во имя «свободы» не обременяй себя ничем: ни трудом образования, ни тяжестью сострадания к ближнему. Касайся до всего слегка! Вместо «учености» светский круг удовлетворится лишь внешней ее видимостью – «ученым видом знатока». Чтобы блистать в нем историческими познаниями, не нужно рыться «в хронологической пыли бытописания земли» – достаточно иметь в запасе несколько эффектных исторических анекдотов. Выучи по-латыни набор эпитафий из учебника для новичков – и ты прослывешь ученым человеком. Характеризуя познания Онегина, Пушкин идет по пути внешних перечислений, которые прерывает откровенной иронией:

Всего, что знал еще Евгений,

Пересказать мне недосуг...

«Недосуг» потому, что «ум» Онегина поглощен и обременен другим – «наукой страсти нежной». Любовь тоже превращается у светской молодежи в ритуал, движущая пружина которого – бездуховные в своей «естественности» чувственные наслаждения. От любви в высоком смысле тут не остается ничего. Светская девушка воспринимается как объект оболыщания, целью которого является чувственный соблазн. Ради достижения этой цели в ход пускаются не глубокие сердечные чувства, а искусная и холодная их имитация:

Как рано мог он лицемерить,

Таить надежду, ревновать,

Разуверять, заставить верить,

Казаться мрачным, изнывать.

К живому человеку в этой хищной, эгоистической игре обольститель относится как к мертвой кукле-марионетке. Психологические свойства женской души используются как нити в руках кукловода.

Поразительно, что светская девушка охотно участвует в этой игре, очевидно не чувствуя ее коварства. С детских лет она погружается в отношения, лишённые сердечной глубины, движимые мертвым кодексом светских условностей. В результате она теряет способность отличать подлинное и глубокое чувство от искусной подделки под него.

Процесс духовной гибели светского молодого человека представлен Пушкиным в описании одного дня из жизни Онегина. Личности героя здесь нет: ее вытесняет механический, изо дня в день повторяющийся ритуал. Образ «недремлющего брегета», с ритмической неумолимостью и однообразием отстукивающего время, приобретает почти символическое звучание. Оно усиливается «говорящими» рифмами: «брегет» – «обед» – «котлет» – «балет» – «свет» – «кабинет». Как замечает В. С. Непомнящий, «все поэтическое пространство, которое бы могла занимать личность героя, занимают вещи и отдельные элементы жизни, целостность подменяется множественностью, внутреннее внешним, духовное материальным. Герой и его мир предельно опредмечены и овеществлены, свободного пространства не остается».

В центре нарочито растянутого описания – предметы потребления, расставленные на двух столах – обеденном и туалетном. Все эти предметы – иностранные, многим из них нет аналогий в русском языке. Отсюда – поток варваризмов, которые врываются в текст не только в русской, но и в латинской транскрипции.

В этот пищеварительно-туалетный перечень не случайно попадает Руссо. Его имя – знак, символ: оно придает всей груде вещей на столах еще и особый, идеологический смысл. За материальными безделушками, которыми Запад наводняет Россию за «лес и сало» (драгоценное натуральное сырьё!), веет меркантильный дух культуры тогдашней Европы, подготовленный ее идеологами – Вольтером и Руссо.

Пушкину этот дух враждебен своим потребительским отношением к жизни, лишенным бескорыстия и духовной созерцательности, свойственной высокой поэзии: «Ничего не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя». А потому и его герой, находящийся в плену у заемных вещей и «заморских» понятий, глух к искусству:

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.

Антипоэтичность Онегина особенно ярко проявляется в эпизоде посещения театра. И не случайно, что именно здесь автор решительно меняет повествовательную интонацию на лирическую. Из томительного плена южной ссылки Пушкин переносится здесь в свое, а не в «онегинское»

восприятие театра. И воспоминание о свежем, юношеском упоении искусством скрашивает его существование. Поведение в театре Онегина являет разительный контраст. Вот Пушкин восхищается Истоминой, славит ножек Терпсихоры «душой исполненный полет». А Онегин

Идет меж кресел по ногам,
Двойной лорнет скосясь наводит
На ложи незнакомых дам...
Раскланялся, потом на сцену
В большом рассеянье взглянул,
Отворотился – и зевнул.

Буквально на глазах у читателя онегинский взгляд убивает чудо искусства, храм которого рассыпается, превращаясь в груды вещей, лишенных какого бы то ни было связующего их смысла. Взгляд на театр «от Онегина» – верный слепок его опустошенной души:

Еще амуры, черти, змеи
На сцене скачут и шумят;
Еще усталые лакеи
На шубах у подъезда спят;
Еще не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать...
А уж Онегин вышел вон...

Так сменой ракурсов повествования (сначала от себя, потом от Онегина) автор показывает различие между ними. Стремлением подчеркнуть это различие продиктовано растянувшееся на много строф лирическое повествование о женских ножках. Пушкин отдает дань воспоминаниям: звучат эротические мотивы лицейской лирики, воскрешаются светские увлечения юношеских лет. Нельзя не заметить в этой поэме о женских ножках легкого оттенка самоиронии. Пушкин как будто бы еще и улыбается слегка над своими увлечениями, над их чрезмерной чувственностью, истончающейся до фетишизма. От целостного и живого образа любимой девушки остаются только детали – ножки, башмачки, которые являются предметом любовного поклонения. Собственно, это еще не любовь, а скорее первоэлемент ее – самозабвенная и живая чувственность, обманчивая в своем фетишизме, в своей слепоте. И Пушкин раскрывает далее этот обман:

Слова и взор волшебниц сих
Обманчивы... как ножки их.

На переходе от юности к молодости Пушкин видит в легкой поэзии, которой он предавался когда-то, некий избыток чувственного начала. Его взгляд на поэтическое призвание изменяется. Он спорит с идущим от Петрарки, от поэзии Ренессанса «представлением о творчестве как области чисто личных интересов художника, связанных прежде всего со „страстью нежной“» (В. С. Непомнящий). Он утверждает теперь идеал свободного искусства, не затемненного чрезмерным присутствием субъективных пристрастий художника; ему по душе теперь иной, бескорыстный взгляд на мир, позволяющий воссоздавать явления жизни во всей их полноте:

Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный ум.
Свободен, вновь ищу союза
Волшебных звуков, чувств и дум;
Пишу, и сердце не тоскует,
Перо, забывшись, не рисует,
Близ неоконченных стихов,
Ни женских ножек, ни голов...

А потому и чувственные излишества поэта при описании женских ножек несут не столько субъективно-лирический, сколько объективно-образительный смысл. Они имеют прямое отношение к главному герою романа. Бездушной, доведенной до автоматизма «науке страсти нежной», которой отдается Онегин, Пушкин противопоставляет иную, здоровую чувственность:

Я помню море пред грозою:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!

Все это оттеняет по-своему эгоистически расчетливое, а потому и прозаически-грубое, механическое донжуанство Онегина. Не случайно его сопровождает настойчиво звучащая на заднем плане повествования тема охлаждения, отмирания живых жизненных сил. Роман открывается смертью дяди и кощунственным отношением к этому таинству Онегина, призывающего черта. Но над чем посмеешься, тому и послужишь. На фоне живых лирических порывов автора бледной немочью отзываются потуги героя, который

...дома заперся,
Зевая, за перо взялся,
Хотел писать – но труд упорный
Ему был тошен; ничего
Не вышло из пера его...

В этом же ряду оказывается и «траурная тафта», которой Онегин задернул пыльную семью книг на книжной полке, и безжизненный ритуал заведенного как часы, изо дня в день повторяющегося существования: «И завтра то же, что вчера». Противоестественность этого подчеркнута ритмами жизни природы и трудового народа. Своей искусственностью онегинское существование выпадает из предустановленных законов – божеских и человеческих:

Что ж мой Онегин?
Полусонный
В постелю с бала едет он:
А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробужден.
Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,

С кувшином охтенка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.

Вся красота мира Божия, вся прелесть утреннего пробуждения людей и природы остается вне поля зрения Онегина. Мы застаем его в постели и оставляем спящим, обратившим утро в полночь. Онегинское утро – полночь, онегинский день – сумерки. Засыпает душа героя, который «к жизни охладел». И зловещим предзнаменованием еще одного стола, взамен обеденного и туалетного, мерцает в конце первой главы грозный призрак смерти:

Но, прилетев в деревню дяди,
Его нашел уж на столе,
Как дань готовую земле.

Вернемся к нашим наблюдениям о споре или диалоге двух времен в повествовании первой главы романа. Одно время в нем – настоящее, в котором пребывает автор, другое – прошедшее, в котором автор встречается с Онегиным и сближается с ним. Двум этим временам соответствуют два сюжета: времени настоящему – сюжет авторский, поэтический; времени прошлому – сюжет повествовательный. Два эти сюжета движутся в противоположном направлении. В повествовательном автор сходится с героем, сближается и даже дружит с ним. В поэтическом автор поднимается над героем и оттеняет «разность» между Онегиным и собой. В результате происходит характерная именно для реалистического романа «объективация» героя: он обретает собственную, независимую от автора жизнь. Поэт получает возможность, отделившись от героя, рассмотреть его беспристрастно со всех сторон.

Усиленное внимание автора к образу жизни Онегина связано с его стремлением показать типический характер человека своего времени в типических обстоятельствах, оказавших на этот характер огромное влияние. Поэтому на первых порах Пушкина интересует не столько неповторимая онегинская индивидуальность (личность героя), сколько стихия «онегинского» в нем, являющаяся порождением определенной среды – воспитания, образа жизни человека светского общества.

Мы убеждаемся, что Онегин отталкивает автора там, где в герое одерживает верх «онегинское» начало, но порой тот же Онегин вызывает у автора сочувственный интерес. Это случается тогда, когда сквозь «онегинское» прорывается в герое живая и незаурядная личность. Заметим, что автор подружился с Онегиным в очень важный, едва ли не поворотный момент его жизни:

Условий света свергнув бремя,
Как он, отстав от суеты,
С ним подружился я в то время.

Дружба завязалась в момент, когда Онегиным овладела «русская хандра», когда он почувствовал неудовлетворенность тем образом жизни, которому до сих пор бездумно предавался. «Русская хандра» – залог значительности героя. Онегин не может раствориться в той жизни, какую

предлагает ему свет, он шире ее, она не в состоянии удовлетворить его запросы. «С душою, полной сожалений», он вместе с автором еще способен уноситься мечтой к чистым истокам жизни, способен отдаваться «дыханью ночи благосклонной».

В то же время в онегинском разочаровании есть изъян. Герой еще не способен критически подняться над собой, обвинить себя, оценить очевидную ущербность и крах своего мирозерцания. Напротив, он склонен тут обвинять весь мир, весь свет. Его глаза не повернулись зрачками в глубину противоречий собственной души. Они замечают только несовершенный мир вокруг:

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей...

Как часто эта сентенция приписывается Пушкину! Но ведь «онегинская» природа ее раскрывается в этой же самой строфе. Подчеркивая известную гордыню, ее породившую, Пушкин иронически замечает, что подобная разочарованность «придает большую прелесть разговору», рождая «шутку с желчью пополам» и злобу «мрачных эпиграмм». Чистый источник недовольства замутнен в душе Онегина эгоизмом, гордыней – модным недугом байронизма:

Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами – себя.

К «русской хандре» Онегина подмешивается чуждый национальной традиции, заемный «английский сплин» – строй чувств, который «лорд Байрон прихотью удачной облек в унылый романтизм и безнадежный эгоизм».

Поэтому даже в благородные начинания Онегина проникает не замечаемая героем, но резко бросающаяся в глаза автору нота высокомерия и эгоизма. Как личность незаурядная, Онегин сравнивается с Чаадаевым, на прогулках носит широкий боливар – знак принадлежности к вольнодумцам. Среди друзей Онегина – члены тайного общества (Кавелин, например, а в черновых набросках упоминались Якушкин и Николай Тургенев). Вступило владение наследством дяди, Онегин проводит в поместье преобразования в духе популярного в декабристских кругах трактата Николая Тургенева «О барщине»:

Один среди своих владений,
Чтоб только время проводить,
Сперва задумал наш Евгений
Порядок новый учредить.
В своей глуши мудрец пустынный,
Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил.

Благородный и народолюбивый по форме поступок Онегина Пушкин неспроста окружает облаком авторской иронии: «мудрец пустынный» сделал это от скуки, «чтоб только время проводить». Есть ирония и в последней строке, по-онегински снисходительной: «раб судьбу благословил». Известно, что сам Пушкин не разделял мнений тех современников, которые почитали мужиков рабами: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смысленности говорить нечего. Переимчивость его известна; проворство и ловкость удивительны».

В отличие от Онегина, равнодушного к поэзии русской природы, к деревенскому образу жизни, ставящему тусклый знак равенства между светской и деревенской жизнью, для него одинаково скучной, Пушкин берет эпиграфом ко второй главе романа восклицание Горация «O, rus!» («O, деревня!») и переводит его по-русски «O, Русь!», приравнивая Россию к великой деревне. Онегинскую деревенскую хандру перебивает иной, восторженный авторский голос:

Цветы, любовь, деревня, праздность,
Поля! я предан вам душой.
Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной

Почти все поэты и писатели хоть раз создавали в своих произведениях собственный идеал женщины. Для Пушкина такой героиней стала Татьяна Ларина. По мнению критика Д. Овсяннико-Куликовского «Татьяна вышла у Пушкина сильнее духом, чем Онегин, но поэт вовсе не имел в виду представить свою героиню, как образец сильного женского характера».

Пушкин не пытается идеализировать Татьяну. Ее отчужденность, нежелание участвовать в жизни семьи или в детских играх, заниматься рукоделием, не говорят в ее пользу. Она любит бродить по саду, по полям, сидеть у окна, предаваясь мечтам или с увлечением читая очередной французский роман.

Пушкин никогда не называл прототипа Татьяны Лариной, но можно предположить, что это – собирательный образ. Некоторые литературоведы называют прообразом Татьяны Лариной старшую, из сестер Вульф. Соответственно, младшая могла стать прототипом Ольги. Семейство Прасковьи Вульф было дорого Пушкину. Здесь он отдыхал душой, которая была распахнута для любви. Можно предположить, что образы Татьяны и Ольги Лариных он собирал в этом семействе «с миру по нитке». От Анны Николаевны (Анетты) он позаимствовал ее страстную любовь к нему. Правда, Анна Николаевна ему особенно не нравилась. Она была ровесницей поэта. Хотя в какой-то момент он влюбится и в нее. Анна Николаевна так и не вышла замуж, и всю жизнь прожила в Тригорском и в Малинниках. Она больше других подходит для юной Татьяны Лариной своей плаксивостью и нелюдимостью. Биографы Пушкина отмечают, что Анна Николаевна была противоположностью младшей Зизи.

В поэме есть одна фраза, которая могла быть дань ответ на вопрос: кто она – Татьяна Ларина, и за что Пушкин любил эту героиню.

А та, с которой образован
Татьяны милый идеал...
О много, много рок отъял!

Очень верно подметил Ю.Лотман, говоря о прототипах главных героев романа «Евгений Онегин»: «Конечно, воображение поэта опирается на реальность впечатления. Однако при этом оно лепит новый мир, переплавляя, сдвигая и перекраивая жизненные впечатления, ставя в своем воображении людей в ситуации, в которых реальная жизнь отказала им, и свободно комбинируя черты, разбросанные в действительности по различным, весьма отдаленным порой характерам».

Татьяна Ларина, как уездная барышня, не очень привлекательна. Но выйдя замуж, она сумела преобразиться, чтобы соответствовать своему положению в обществе. Перед княгиней N читатель испытывает благоговение и восторг, как те люди, что присутствовали на приеме.

К ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялись ниже,
Ловили взор ее очей;
Девицы проходили тише...

Можно предположить, что выйдя замуж, Татьяна отложила свои романы подальше и стала читать другую литературу. Наверняка, с послом испанским она говорила не о делах амурных, а о более серьезных вещах, о политике. Это значит, что в ней изменились не только внешние манеры, она узнала для себя очень много нового, приобрела некоторые знания, заставившие иными глазами смотреть на жизнь. Здесь же мы видим, что важный генерал гордится своей женой и любит ее.

Почему Татьяна Ларина является любимой героиней Пушкина? Прежде всего, потому, что она продемонстрировала такие черты характера, как верность данному перед Богом слову, уважение к мужу. Она стала не просто хорошей, а замечательной женой, поддерживающей во всем своего супруга.

У Татьяны развита интуиция, которая подсказывает ей, что любовь к ней Онегина не столь искренна и чиста, как он хочет выразить это. И все его страдания – это не страдания любви, а страдания самолюбия. Она в последнем своем разговоре не кривит перед ним душой, а высказывается искренне. Искренность и прямота души – это те черты, которые она не растеряла, а сумела сохранить, вращаясь в светском обществе.

Пушкин неоднократно на протяжении поэмы подчеркивает, что любит героиню, созданную его воображением. Она стала его идеалом.

Простите мне: я так люблю
Татьяну милую мою.

Монолог Татьяны отражает ее внутреннюю драму. Смысл ее не в выборе между любовью к Онегину и верностью мужу, но в новых,

сформированных под влиянием общества чувствах. Болезнь, от которой так мучительно избавился Онегин, поразила теперь Татьяну. «Свет пустой» подавляет все живое, все человеческое в людях.

Образ самой Татьяны свободен от заданности: она и не воплощение пороков и не «совершенства образец». Татьяна — живой человек и поэтому «милый идеал» Автора. В народных представлениях о счастье нашла Татьяна идеал нравственного долга, нерушимой супружеской верности, так ярко обрисованной в народных сказаниях и песнях. Пушкин так исчерпывающе и глубоко развернул ее образ, что мы легко можем представить Татьяну в любой жизненной ситуации.

Поэт неоднократно говорит о своей любви к Татьяне, дает ей самые сердечные характеристики, тревожится за ее судьбу.

4. Ответьте на вопросы:

Критик В. Г. Белинский называет Онегина «страдающим эгоистом» и «эгоистом поневоле». Как вы понимаете эту оценку героя романа?

Для Пушкина; Татьяна — идеал русской женщины. Что в ее облике и характере особенно высоко ценит автор? Какие ее качества привлекательны и для нас, людей конца XX века?

В чем состоит своеобразие композиции романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»?

5. Самостоятельная работа: Прочитать «Маленькие трагедии», «Повести Белкина» А.С.Пушкина, ответить на вопросы.

Староста формирует папку, подписывает тему, ставит дату и присылает в личное сообщение на на мой эл. адрес: gulnaraazatovna@mail.ru в срок до 17.00 текущего дня.